

Стихотворения

Стихотворения «Подлодка плыла по реке голубой» и «Черный остров Сюмусю» принадлежат авторству Аркадия Стругацкого, остальные — Бориса Стругацкого.

* * *

Подлодка плыла по реке голубой, озаряема полной луной,
И старалась она улизнуть поскорей в свою базу из этих морей.

А на мостике лодки стоит командир, и жует он бисквиты и сыр,
И слушает он, как под тяжелой броней напевает старик-рулевой.

И поет рулевой: «Там на дне у меня не играет сияние дня,
Там акул и косаток играют стада, мертвечиной воняет вода.

И там на подушке из жестких камней спят хозяева этих морей,
Они стали добычей торпеды моей — кавалькады чужих
кораблей.

Но с чужого двора удирать нам пора, пока в лодке
не сделали дыр,
Мы успеем еще улизнуть до утра...» — «Замолчать!» — закричал
командир.

И старик-рулевой замолчал под броней, ему очень хотелось
домой,
И задумался, глядя вперед, командир, бросив в воду бисквиты
и сыр.

Черный остров Сюмусю

Черный остров Сюмусю,
Остров ветра Сюмусю.
В скалы-стены Сюмусю
Бьет волнами океан.

Тот, кто был на Сюмусю,
Был в ту ночь на Сюмусю,
Помнит, как на Сюмусю
Шел в атаку океан,

Как на пирсы Сюмусю,
И на доты Сюмусю,
И на крыши Сюмусю
С ревом рухнул океан.

Полчаса на Сюмусю —
Сто веков на Сюмусю
В снежных сопках Сюмусю
Бесновался океан.

А наутро, Сюмусю,
К скалам-стенам Сюмусю
Много трупов, Сюмусю,
Вынес Тихий океан.

Черный остров Сюмусю,
Остров страха Сюмусю.
Кто живет на Сюмусю —
Тот глядит на океан.

* * *

Мы сидим за партой, мы следим за картой,
Мы над геометрией корпим,
Пишем мы диктовки и для тренировки
Главы из учебников долбим.

Для одних ученье только развлечение,
А для нас — что каторга, что класс.
Только б не спросили, пару б не вlepили,
Только бы не трогали вы нас.

Хлор-бим-бом-пикрины, ди-амин-арсины —
Судорога сводит нам язык,
Дизраэли—Гладстон, Дрейфус—Тьер—и—Надсон —
Все смешалось, в голове шашлык.

Ох, какая скука вся эта наука,
Сонною зевотой скулы рвешь.
Тянется учеба, тянется до гроба,
Век учись и дураком умрешь.

Песни к выпускному вечеру в школе

* * *

Ура, окончилось ученье!
И мы, друзья, родились вновь.
Нас ждут труды и развлечения,
Начальство, карты, увлеченья

В дни черноморского леченья,
Женитьба, ревности мученья,
К сигарам тяжкое влеченье
И страстная к вину любовь.

* * *

Встает сентябрь во мгле холодной,
Трещит звонка гнусавый щелк,
И школа пастию голодной
Хватает мучеников полк.

Склоня главу к земле, тоскливо
К дверям ее они идут,
Стеная изредка слезливо,
И песню странную поют.

* * *

У подножья гордого Алтая,
Утопая в зелени садов,
Под палящим солнцем изнывает
Город замечательных плодов.

Там небо знойное, змеиный рай,
В тиши разносится собачий лай,
И желтым облаком взлетает пыль,
Когда идет автомобиль.

А когда над полуденным краем
Запыляет желтый Гелиос,
Из палатки нашей выползаем,
Матерясь и прочищая нос.

Бежим без галстука и без кальсон,
Холодной влагою смываем сон
И, вместо завтрака попив воды,
Начнем обычные труды.

С неохотой сунув ноги в брюки,
Карандаш и записи собрав,
Потом обливаясь от натуги,
Волочем стандартный спектрограф.

Присев на кактусы и озверев,
Воспроизводим мы ишачий рев
И, отдыхая в тени садов,
Таскаем иглы из задов.

Над зеленым морем кукурузы
Две палатки, Башня, сад и дом.
У палаток корки от арбузов,
И внутри помойка и содом.

Подражание Г. Гейне

Первым словом, что испанец
Произнес в шатре индийца,
Было «золото»; воды
Он спросил себе уж после.

Житель Мексики и Перу
Видел это беснованье
Ради золота: он видел,
Как Пизарро и Кортес,

Дико золотом упившись,
В этом золоте валялись.
Видел он: во время штурма
Храма Квито Лопес Вакка

Стибрил солнце золотое,
Солнце, весившее ровно
Двадцать центнеров, но в кости
В ту же ночь его спустил.

И с тех пор у мексиканцев
Сохранилась поговорка:
«Это Лопес, проигравший
До захода солнца — солнце».

А Фернандо де Касторес,
Своротивший с места идол
Бога Квито, обнаружил
В пьедестале два рубина.

Два бесценные рубина,
Так блиставшие, как будто
Капли крови идол Квито
Уронил на пьедестал.

Каждый был из них с тарелку
И гранен был тем народом,
Что до благородных инков
Обитал в долинах Перу.

Не влезали те рубины
В шитый кошелек испанца.
Он булыжником громадным
Их на части раздробил.

Словно капли свежей крови
Разлетелися рубины и
Рассыпались холодным и
Сверкающим дождем.

А Фернандо усмехался
Алчной зверскою улыбкой
И сверкавшие осколки
В кошелек небрежно сунул.

* * *

Смейся, смейся над судьбою,
Над несчастьем и удачей,
Над ошибкой, над собою
И над Смертью — старой клячей.

Смейся, даже если горе
Душу стиснуло страданьем.
Если лед в девичьем взоре,
Если давишься рыданьем...

Тот, кто весело смеется
Первым, пятым и последним,
Тот пробьется, тот добьется,
Тот не будет серым «средним».